

Наша страна отметила 70-летнюю годовщину нападения фашистской Германии и начало Великой Отечественной войны, унесшей десятки миллионов жизней. С каждым годом все меньше остается живых участников этой войны – время неумолимо. Молодому поколению россиян уже мало что известно об истинном лице фашистских изуверов. Мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел.

Военно-полевые суды не были изобретением национал-социалистов. Начиная с Первой мировой войны они постоянно создавались в рейхе, а спустя некоторое время закрывались [1, s. 537]. Изданное 21 марта 1933 г. правительством Гитлера предписание «Об образовании специальных судов» опиралось на правовую базу фактически с чрезвычайными полномочиями еще времен республики. Оно давало правительству право определять состав суда, порядок ведения процесса и подсудность [2, s. 136–137].

Прежде всего, эти суды были созданы во всех 26-ти земельных регионах, где имелись верховные суды. Новые суды должны были осуществлять юрисдикцию в отношении дел, связанных с поджогом Рейхстага и подрывными действиями в отношении государства. Каждый такой суд состоял из трех профессиональных судей, назначенных в основном из состава земельных судов. Судебный процесс осуществлялся в соответствии с консервативными пожеланиями реформаторов о драконовском ограничении прав обвиняемых (подсудимых) и усилении позиции прокуратуры. Этот процесс не знал ни принятия решения о начале судебного разбирательства, где давалось обоснование обвинения, ни судебного следствия. Постановления об аресте судьи выносили по ходатайству прокуратуры, защита не имела права заявлять ходатайства о представлении доказательств. Границы судебного следствия суд устанавливал сам, по своему усмотрению, в том числе определял и количество доказательств. Подсудимый не имел права обжалования приговора, т.к. он тотчас после провозглашения вступал в законную силу. Сокращенный процесс, который был обеспечен в результате этого, соответствовал «идеалу о хорошем уголовном процессе», выраженном в пожелании об «устранении формализма» в уголовном судопроизводстве [3, s. 357], сформированном членом имперского суда Отто Шварцом. Его «идеал» гласил: «В целях осуждения преступника, чтобы зло было наказано, осуществлять процесс как можно основательнее, как можно быстрее и с минимальными материальными затратами» [4, s. 1478].

В результате создания специальных, особых, чрезвычайных по своему характеру судов нацистское руководство в большем объеме реализовало свои представления о юстиции, т.е. «истинно национальном правосудии».

Конституирование состава суда из трех профессиональных судей способствовало их взаимоконтролю и одновременно исключало участие дилетантов. Немедленное вступление приговора в законную силу освобождало судей от обязанностей придерживаться рамок процессуальных норм и подгонять решения к норме права на случай их проверки в порядке надзора. Все это разоружило юстицию (правосудие) – апелляция и пересмотр дела отсутствовали. Процесс стал максимально упрощенным и укороченным.

Созданные и развитые нацистской юриспруденцией «методические инструменты», особенно такие, как учение о «типе преступника» и «телеологическое толкование», развязали руки судам прежде всего в том плане, чтобы подвести под эти инструменты хитроумные соображения по толкованию состава преступления и точную юридическую квалификацию того или иного преступления. Краткая и в большинстве случаев весьма общая, неконкретная формулировка специально узаконенных составов преступлений, которые были выделены в юрисдикцию вышеназванных специальных судов, дала судьям дополнительные свободы к усмотрению. Иногда соответствующие законы допускали все меры наказания без детализации их применения, от одного дня заключения в тюрьме до смертной казни. Используя их, чрезвычайные суды выносили приговоры, отвечавшие представлениям имперского министра юстиции. Свои представления он регулярно направлял во все суды в виде писем для судей. В одном из таких «писем» говорилось: «Член народного сообщества (так называли немцев в период фашистской Германии. – Л.К.) ожидает от судьи не длинных и заумных поучений о праве. Его также не интересуют многочисленные вспомогательные и побочные соображения, которые приводят судью к принятию решения. Он хотел бы в немногочисленных и общепонятных словах узреть, по какой решающей причине он прав или не прав» [5, s. 17].

Преимущества специальных чрезвычайных судов были настолько очевидны, что уже через короткое время после их создания было решено распространить их юрисдикцию на большую часть сферы всех преступлений. Однако на первых порах от этого временно отказались – видимо, решили использовать еще легитимную силу судов общей подсудности. Юрисдикция чрезвычайных судов расширилась только на один новый состав преступления – «Оскорбление НСДАП» (официальное название фашистской партии. – Л.К.).

Положение кардинально изменилось в связи с подготовкой к войне. Фашистское руководство германской юстиции помнило «лелеемую» еще Гитлером легенду периода Первой мировой войны «об ударе кинжалом в спину». Чтобы подобное не повторилось, юстиция должна была к началу новой войны быть преобразована в боеспособный «армейский корпус внутреннего фронта» [6, s. 13]. Так, «Предписание о мерах в области судостроительства и правосудия» от 1 сентября 1939 г. устранило какое бы то ни было участие в судах непрофессиональных судей [2, s. 1658]. Это делало, по мнению нацистского руководства, суды более гибкими и освобождало «военную силу» (заседателей), в которой возникла острая необходимость. Вместо судов с заседателями стал функционировать суд в составе одного судьи; вместо суда присяжных (ранее – три судьи и шесть заседателей) по образцу чрезвычайных судов начал действовать суд в составе трех профессиональных судей. Одновременно еще больше урезались возможности подсудимых обжаловать приговоры при помощи правовых средств.

Целый пакет новых предписаний повысил меры наказания за определенные деликты: вместо заключения в тюрьму – заключение в каторжную тюрьму; во многих случаях, как это имело место в отношении предписания «О наказании насильственных преступлений», даже исключительно одна мера – смертная казнь. Почти все принятые с 1938 г. новые редакции предписаний по уголовному праву и процессу предусматривали подсудность чрезвычайных судов. В компетенцию этих специальных судов теперь входили: преступление, связанное с умышленным прослушиванием зарубежного радиопередатчика, преступления «врагов народа», деликты по предписанию о насильственных преступлениях, некоторые экономические преступления и даже «гангстерские преступления».

По утверждению начальника отдела Министерства юстиции Кроне, население должно видеть «в специальном суде самое быстрое и эффективное средство, для того чтобы выкорчевать из немецкого народа молниеносно навсегда или хотя бы на время преступные наклонности» [7].

Новые, рассчитанные на чрезвычайные суды, кардинально ужесточающие уголовное преследование законы пользовались «скупым, четким, солдатским языком», не терялись в частностях детального описания составов преступлений и не задерживались надолго в юридическом дифференцировании характера преступлений [6, s. 13].

Типичным примером, рафинированным образчиком такого законодательства, в котором отражалось чрезвычайное уголовное право в военное время, может служить «Предписание о защите собирания металлов германского народа» от 29 марта 1940 г. Так, Совет министров обороны рейха учреждает предписание с силой закона: «Собирание металлов – это пожертвование германского народа для поддержки в навязанной ему борьбе за жизнь. Тот, кто обогащается за счет этого собрания или использует металл не по назначению, наносит ущерб великой германской борьбе за свободу и наказывается за это смертной казнью. Это предписание вступает в силу после обнародования его по радио. Оно действует также на захваченных восточных областях» [2, s. 565].

Большое количество экономических правонарушений, в том числе незаконный убой скота, укрывательство товаров или мошенничество с продовольствием (обман покупателя), квалифицировались как преступления, за которые полагалась смертная казнь. Равным образом незначительные проступки в отношении предписаний о военной экономике, по использованию автомобильного транспорта или о регулировании изделий различных ремесел наказывались также драконовскими уголовными мерами [2, s. 1609].

Основным руководящим составом преступления всего военного законодательства был учет требований тотальной войны. Он гласил: «Тот, кто стоит в стороне в то время, когда другие жертвуют кровью и жизнью ради Великой Германии и свободы ее поколения, является паразитом. Он заслуживает презрения нации и наказания наших судов» [6, s. 12]. Поэтому главным законом для

деятельности чрезвычайных судов начиная с 1939 г. было Предписание о нанесении ущерба немецкому народу, так называемое предписание «о врагах народа» или «о вредителях народа». Наряду с обязательным смертным приговором за грабеж и поджог оно предусматривало каторгу или смертную казнь за сокрытие улик совершенного преступления, а также аналогичные наказания за преступления, имеющие общий состав, т.е., как указано в предписании, за другие преступления, совершаемые в военное время.

В соответствии с этим предписанием судам надлежало проверять, совершены ли были преступления под влиянием военной ситуации или вследствие малочисленности полиции, недостаточного освещения улиц или ограниченного уличного движения. Как правило, предписание о нанесении ущерба немецкому народу использовалось для ужесточения приговоров: ведь, в конце концов, любое преступление могло быть спровоцировано военными обстоятельствами. Немалую роль при этом играло то положение, что война требовала всемерной экономии средств, в том числе и в судопроизводстве. В этом плане можно привести конкретный пример.

Так, железнодорожный рабочий Хуго Геринг, отец семерых детей, получающий на содержание семьи 260 марок жалования, воровал продолжительное время при погрузке посылок с нарушенной упаковкой отдельные предметы небольшой ценности (щетки, расчески, предметы одежды, продукты). Так как подсудимый уже имел судимость за мелкое воровство, он был осужден чрезвычайным судом Веймара как «опасный рецидивист». В приговоре от 13 октября 1944 г. суд констатировал, что его вряд ли можно рассматривать как опасного рецидивиста. Но все же он приговорен к смертной казни потому, что как «вредитель народа» использовал для совершения своих преступлений чрезвычайные обстоятельства, вызванные военным положением. В мирное время, по мнению суда, Геринг вряд ли совершил бы эти преступления, т.к. упаковочный материал в военное время стал значительно хуже. Он действовал во вред немецкому народу на внутреннем фронте, думая только о собственной выгоде, а не о народе [8, с. 15].

Большим достижением в качестве утонченной интерпретации закона чрезвычайной юстицией рассматривалась клеветническая типизация преступников. В 1940 г. все преступники, предстающие перед чрезвычайными судами, были разделены на пять групп:

- 1) политические и военные противники государства;
 - 2) экономические преступники;
 - 3) преступники, наносящие ущерб немецкому народу;
 - 4) деструктивные диссиденты;
 - 5) паразиты в повседневной жизни (преступники, совершающие мелкие правонарушения)
- [6, с. 13–15].

Прокуратура получила право расширить данный список по своему усмотрению. При этом она могла передать в специальный суд не только дела, которые были прямо ему подсудны, но и о любых других преступлениях и тяжких правонарушениях, если только она считала, что «немедленное осуждение специальным судом преступника с учетом тяжести совершенного им преступления или его предосудительности, вызвавшей недовольство общественности или вследствие серьезного нарушения общественного порядка или безопасности, является необходимым»*. Одновременно Предписание о подсудности от 20 ноября 1938 г. декретировало проведение упрощенного судебного процесса: «Во всех случаях производства в специальных судах осуждение должно состояться немедленно, без соблюдения каких-либо сроков, в тех случаях когда преступник схвачен на месте происшествия или же его вина очевидна. Во всех других случаях процесс должен быть завершен в пределах 24 часов».

В результате расширения подсудности и ускоренного судопроизводства специальные суды, как отмечалось в официальном документе, «выступали на самом переднем плане защиты государства от тяжких преступлений и стали фактически ядром уголовной юрисдикции» [9, с. 91].

Число этих судов увеличивалось по мере их загруженности делами. Положение, когда один такой специальный суд приходился на регион, где действовал Верховный суд земли (всего – 26 регионов), больше не устраивало нацистское руководство Германии. Прежде всего, в отдельных специальных судах увеличили штат судей в два или даже в три раза. В 1940 г. число судов возросло до 55. Кроме этого, осталось в силе многократное расширение их штатов. К примеру, только в Берлине, где первоначально существовал только один специальный суд на весь судебный округ, было создано еще

девять специальных судов [10, s. 233, 795; 11, s. 13]. Но даже многие из этих судов были постоянно перегружены. Прокуратура постоянно злоупотребляла своим правом направлять дела во всех случаях обычного криминалитета в суды общей юрисдикции, передавая их для рассмотрения исключительно в чрезвычайные суды. Это объяснялось, очевидно, тем (как констатировало имперское Министерство юстиции), что она питала к специальным судам гораздо большее доверие, чем к судам общей юрисдикции [7, s. 92]. Поэтому постоянно росло число приговоров, вынесенных специальными судами, в общей массе рассмотренных всеми судами уголовных дел. Так, если в период с 1936 по 1939 г. в Гамбурге только каждый шестой приговор по уголовному делу приходился на специальный суд, то в 1943 г. они составили уже 2/3 от всех приговоров [12, s. 106].

Высокий процент рассмотрения уголовных дел исключительно специальными судами results, с одной стороны, резким ростом количества самих специальных судов и их штатов, с другой стороны, кардинальным упрощением судопроизводства в них. В общественно-политическом обиходе они официально получили наименование военно-полевых судов внутреннего фронта. Это меткое сравнение опиралось на факты ускоренного судебного процесса в них, а также вынесения крайне жестоких приговоров без права обжалования, которыми характеризовались специальные суды. Они, согласно донесениям различных высоких служебных инстанций, «не испытывали никакой боязни перед назначением таких мер наказания, как длительные сроки каторжной тюрьмы или смертной казни» [12, s. 105].

Подобный вид правосудия был результатом не только жестокого, бесчеловечного военного законодательства, но и специального подбора и отбора кадров личного состава судов. В первую очередь, в специальные суды назначали по возможности более молодых судей, получивших юридическое образование только в Третьем рейхе. К примеру, в 1943 г. президент земельного суда Гамбурга сообщал, что не надо бояться подачи жалобы в специальный суд, «так как известно, что специальные суды укомплектованы особенно деятельными, хорошо подготовленными судьями, и в этом плане не следует считаться ни с какими возможными проявлениями снисхождения с их стороны» [12, s. 114]. Безграмотность, бессердечие этих судей можно продемонстрировать на деле посыльного курьера одного чайного бюро Георга Хопфе. Так, 24 марта 1944 г. Хопфе со своим приятелем, который находился в отпуске, побывал в нескольких барах Веймара. Во время увеселений к ним присоединился рабочий Фриц Науланд. После того как каждый из них выпил полдюжины бутылок пива, по дороге домой мужчины были застигнуты воздушной тревогой. У горящего дома, в который попала бомба, они увидели бездействующих солдат и дежурных по противовоздушной обороне, которые ждали пожарных. Трое приятелей решили с целью спасения имущества действовать немедленно. Науланд выбил входную дверь, и втроем они стали выносить имущество. При этом Хопфе, спасая целую батарею флаконов с духами, засунул в карман пальто один надбитый флакон, а позже – и кусок колбасы. Науланд взял себе два куска мыла. Хопфе «как вредитель народа» 11 апреля уже предстал перед специальным судом Веймара. Посыльный, которого медэксперт признал «слабоумным в легкой форме», добровольно признал свою вину, т.к. считал данный поступок незначительным: ведь он и его друзья в результате самоотверженных действий спасли довольно существенные ценности, а кусок колбасы взял потому, что целый вечер ничего не ел. Однако, по мнению суда, все это не умаляет его вину, т.к. ценность украденного не имеет никакого значения. То, что Хопфе, по его утверждению, проник в закрытый дом не для хищения (это даже по закону является грабежом), а чтобы спасти имущество отсутствовавших собственников, не играет никакой роли, т.к. «по своим личным качествам, согласно смыслу закона и здоровому чувству народа, он соответствует стереотипу грабителя». «Из-за своего прескверного и враждебного народу сознания, нашедшего выражение в совершенном деянии, и из-за подлости своего характера» Хопфе заслужил, по мнению суда, смертную казнь: «Тот, кто совершает отвратительное преступление, ставит себя вне общества».

Что касается Фрица Науланда, то за два куска мыла тем же судом, но несколько ранее, чем Хопфе, он также был осужден к смертной казни [8, s. 16].

Таким образом, с созданием специальных судов осуществилась «политико-юридическая мечта» нацистского режима в Германии: получить такой орган правосудия, который без больших формальностей и крайне быстро выносил бы самые суровые приговоры. Своей повседневной практикой специальные суды выполняли поставленную им задачу осуществления «психологического

терроризирования и устрашения всего населения» к полному удовлетворению политического руководства государства. Поэтому они и получили в общественно-политическом обиходе Германии истинное наименование – «военно-полевые суды внутреннего фронта».

Литература

1. Halle F. Deutsche Sondergerichtsbarkeit 1918–1922. Das Republikschutzgesetz vom 21.08.1922, RYBL. I.
2. RGBL. I.
3. Noack E. Formalismus im Strafprozess // DTR. 1934.
4. Der nazionale Strafprozess // H. Trank (Hrg.). Natinalsoz. Handbuch fuer Recht und Gesetzbund, 1937.
5. Boberach H. (Hrg.): Richterbriefe, 1975.
6. Kletz A. Volksschedlinge am Pranger, 1940.
7. Johe W. Die gleichgeschaltete Yustiz, 1967.
8. Koppel W. Ungesuehnte Nazijustiz, 1963.
9. Jahne. Die gleichgeschaltete Justiz, 1967.
10. VO des Reichjustizministeriums // DY. 1940.
11. Schimmler B.V. Recht ohne Jerechtigkeit, 1984.
12. Ebenda.